

ОТЗЫВ
официального оппонента доктора исторических наук Аракчеева
Владимира Анатольевича на диссертацию Шамина Степана
Михайловича «Иностранная пресса и русская культура конца XV–
начала XVIII столетия», представленную на соискание
ученой степени доктора исторических наук
по специальности 07.00.02 – «Отечественная история»

Диссертация С.М. Шамина является комплексным исследованием, задача которого состоит в выяснении того, как иностранная пресса распространялась в России конца XV–начала XVIII столетия и в определении связи этого явления со становлением культуры Нового времени. Актуальность темы исследования, о чем пишет и сам соискатель (с. 4–6), очевидна. Во вводной части диссертант подчеркивает, что в основу его исследования положены принципы историзма и научной объективности, которые выражаются в научной критике источника, анализе изучаемых явлений на большом хронологическом промежутке времени, что позволяет проследить изменения в практиках использования, функциональном назначении и культурном содержании исследуемых материалов.

В обширной вводной главе подробно исследована литература вопроса (с. 25–49), самостоятельное научное значение имеет параграф, посвященный источникам исследования. Диссертант обнаруживает не только глубокое знакомство с фондами и коллекциями архивов и рукописных собраний библиотек и музеев, но и историей их комплектования и перемещения (с. 8–25).

В первой главе С.М. Шамин исследует начальный период бытования иностранной прессы в России, датируемый им концом XV–первой половиной XVII столетия. В первом параграфе (с. 59–74) диссертант констатирует редкость переводов иностранных информационных изданий, сохранившихся в составе рукописных книг восточнославянского происхождения. Опираясь

на работы своих предшественников, диссертант верно определяет тематику этих сведений, большая часть которых касалась чудес и пророчеств, и лишь незначительная часть сведений носила географический характер. Документы, содержащие политические новости известны лишь из описей царского архива и архива Посольского приказа второй половины XVI–XVII в.

Второй и третий параграфы первой главы диссертации (с. 74–98) посвящены неофициальным каналам доставки иностранной прессы в Москву купцами и агентами в первой половине XVII в. Справедливо отмечена исключительная роль Пскова и его воевод в деле снабжения Посольского приказа информацией внешнеполитического характера. Автор диссертации отмечает резкое изменение интенсивности контактов с Западом в середине 1660-х гг.: «Ситуация с доставкой газет в Москву иностранными купцами существенно изменилась в 1664–1665 гг.» (с. 82).

Наиболее ценным вкладом в историческую науку являются следующие главы диссертации, в которых рассмотрена трансформация традиционных практик работы с поступающей из-за рубежа информацией. Вторая глава диссертации (с. 120–177) повествует о начале регулярной доставки в Россию газет по почте, связанной с почтовой системой западноевропейских стран, а также о составлении на основе этих газет курантов – информационных обзоров, о предназначении, масштабах распространения и влиянии которых на русское общество в историографии шли интенсивные дискуссии.

Следует согласиться с автором, что, еще давая в 1659 г. указ Ордину-Нащекину о доставке зарубежной корреспонденции, царь руководствовался скорее любознательностью, нежели «необходимостью решать внешнеполитические задачи» (с. 122). Провал русской дипломатии в 1656–1658 гг., когда страна вначале была втянута в войну на два фронта, а затем вышла из войны с Швецией буквально накануне складывания широкой антишведской коалиции свидетельствует об информационном вакууме в московском политикуме в это время. Диссертант, опираясь на исследования

И. Майер, анализирует номенклатуру и частотность поступления западноевропейских газет в Москву (с. 138–145).

Не лишено вероятности предположение диссертанта об изменении порядка чтения курантов при дворе с воцарением Федора, когда установился порядок знакомства с ними всех членов Думы (с. 155). Для характеристики уровня политической культуры московской элиты важно проведенное автором исследование переводов памфлетов, в том числе касающихся предвыборной борьбы в Польше в 1696 г. (с. 172). Осуществленный в Посольском приказе перевод «Разсуждения о кандидатах» обнаруживает глубокую осведомленность окружения Петра I о ходе внутриполитической борьбы в Польше, имевшую конечным следствием победу пророссийского кандидата на польский трон.

Рассмотренная в гл. 3 тема информационного потенциала курантов проработана диссидентом скрупулезно и тщательно (с. 178–279). Оправданным представляется сосредоточение автора на наиболее важных направлениях международной жизни Европы, в которой активно участвовала Россия. Так, выявленный автором высокий удельный вес «шведских» по своему происхождению сообщений в вестовых материалах вполне коррелирует с мощным военно-политическим потенциалом Швеции и постоянным ее участием в коалиционных войнах последней трети XVII в. (с. 180). Продуктивным представляется использованный автором метод сравнения «новостной ленты» курантов и показаний информаторов-греков о Турции и ее начавшейся экспансии в Восточной Европе (с. 232–237). Уникальный характер носят и российские по происхождению известия, распространявшиеся западноевропейскими газетами, как, например, известия о планировавшемся в 1691 г. походе на Крым (с. 273).

Следующая большая глава посвящена влиянию европейской прессы на культуру политической элиты России (с. 280–351). Проблема терминологии решается на большом фактическом материале: диссидент показывает большой разнобой в названиях «вестовых печатных листов» до середины

XVII в., обосновывает появление в 1649 г. термина «куранты», вытеснившего иные варианты обозначений прессы к концу 1660-х гг. (с. 281–285). С.М. Шамину удалось внести ряд уточнений в представления о названиях прессы в конце XVII в.: отметив уже на рубеже 1670–1680-х гг. появление терминов «газеты» и «ведомости», автор показывает, что устойчивым наименованием этого явления все-таки остается термин «куранты» (с. 293–294).

Главы 5–6 посвящены анализу особенностей распространения заимствованных в иностранной прессе отдельных сочинений (с. 352–475). Текстологический анализ «Сказания о двух старцах» показал его близость «Пророчеству из костела св. Дионисия», зафиксированного в статейном списке русского резидента в Варшаве В. Тяпкина (с. 370). Диссертант продуктивно продолжает работу Д. Уо по выявлению сборников с различными подборками западноевропейских по происхождению памфлетов, в частности, «Легендарного послания турецкого султана», перевод которого по вероятному предположению автора был сделан А.А. Виниусом вскоре после приема его на службу в Посольский приказ (с. 404).

Примером исключительного по своей результативности текстологического анализа вестовых материалов служит интерпретация автором известий о политическом кризисе в Польше на рубеже 1672–1673 гг. после утраты Каменца-Подольского. Анализ бытования текста в приказных делах и рукописном сборнике показал, что автор последнего упростиł изначальный текст, оставив в нем лишь три наиболее ярких, способных поразить воображение читателя события: отказ сенаторов субсидировать королевские войска, запрет гетману открывать военные действия против перешедшего на сторону Турции Дорошенко, и бегство польских жен в Каменце-Подольском к туркам (с. 459–461).

Гл. 7 диссертации посвящена «появлению в русской культуре ряда явлений, характерных для Нового времени», а в тексте главы речь идет преимущественно о «политической борьбе в информационном пространстве», вызванной «влиянием внешнеполитического ведомства» и

конкуренцией в сфере торговли (с. 476–557). Автор обоснованно доказывает трансформацию курантов из деловых приказных документов в тексты, похожие на газеты, произошедшую в 1697 г., после снижения военно-политической активности России на юге и отъезда Петра на Запад с Великим посольством (с. 502). Отдельный параграф главы посвящен обучению юных государей посредством их знакомства с новостями о международном положении и сентенциями о сути государственного управления. Диссертант удачно подметил предназначение выписок «из Меркурия» 1692 г., предназначенных для юного Петра, где искусство править государством было уподоблено ремеслу ткача, озабоченного, «чтоб каждая нить в своем пристойном месте легла» (с. 531).

В заключении подведены итоги диссертационного исследования (с. 558–570). Применительно к проблеме взаимовлияния иностранной прессы и русской культуры автор подчеркивает наличие трех взаимосвязанных процессов: использование иностранной прессы русской политической элитой для решения внешнеполитических проблем, влияние иностранной прессы на культуру русского общества, и, как результат, возникновение на основе иностранной прессы национальной периодической печати (с. 558). Среди выводов диссертации особое значение имеет тезис о включенности России в европейское информационное пространство, начало которому было положено созданием курантов как «инструмента внешней политики» (с. 568). Завершает диссертацию внушительный список использованных архивных фондов, опубликованных источников и библиография.

Диссертация С.М. Шамина, несомненно, представляет собой фундаментальное и новаторское исследование, основанное на широком круге опубликованных и архивных источников. Удачным следует признать выбор основных сюжетных «осей» диссертации: представление системы коммуникаций с Западом, анализ содержания курантов, перекрестная проверка сведений курантов о военно-политических событиях на театрах военных действий в Европе. Диссертант со знанием дела осуществил

комплексный анализ источников, так, что большинство из них получили объективную оценку. За формулами документов автор видит акторов в их «человеческом измерении», более или менее убедительно реконструируя их мотивацию. Наиболее подкупающей положительной чертой диссертации следует признать изучение и демонстрацию исчерпывающего объема источников по теме на протяжении длительного периода времени. Диссертация стала результатом многолетнего кропотливого труда, результаты которого представлены на страницах двух монографий и десятков статей.

Работа столь значительного масштаба не может быть свободна от недостатков, которые могут быть суммированы в ряде замечаний. Внушительный объем диссертации, без сомнения, свидетельствует как о глубокой эрудиции автора, так и о его стремлении досконально разобраться в сути проблемы. Представляется, однако, что этот объем мог бы без труда быть сокращен на 10–20%, если бы автор строго придерживался правил научного дискурса, обязательного для диссертационных исследований. Малоприемлемым приемом в диссертационном исследовании является обильное цитирование трудов историков без какого-либо авторского комментария, как например, цитата из четырех предложений из статьи Б.Н. Флори, никак не прокомментированная и не оспоренная автором (С. 125–126). Не соответствующим стилю диссертации является провозглашение прописных истин, более подходящее для научно-популярных книг, как например: «Дело в том, что на Руси значительная часть правовых отношений (брак, семейные отношения, наследование) входили в юрисдикцию Церкви и регулировались церковным правом» (с. 307).

В гл. 3, посвященной информационному потенциалу курантов, автор избрал метод пересказа их содержания, далеко не всегда комментируя эти известия. Между тем, стоило бы ограничить пересказ количественно, но при этом в большей степени комментировать известия курантов. Примером оставленного без авторского комментария известия является свидетельство,

датированное мартом 1671 г., о фискальных трудностях в Турции: «в Турской де земле сказывают великая на деньги скудость» (с. 198). Между тем, цитированная ремарка оказывается информативной, в том числе для понимания причин начавшегося в 1672 г. открытого противостояния России и Турции. В исследованиях турецкого историка С. Памука показано, что уже в XVII в., в то время как доходы большинства европейских стран, включая Австрию и Россию, стремительно росли, доходы османов стагнировали, что привело к катастрофическому ослаблению их военной мощи. Не исключено, что краткая ремарка курантов о «великой на деньги скудости», подкрепленная известиями из дипломатических источников, подтолкнула правительство царя Алексея к началу первой войны с Турцией. Таким образом, высокий информационный потенциал курантов далеко не всегда очевиден из текста обсуждаемой диссертации.

Следует отметить также некоторую неточность автора в определении исторических эпох. Коль скоро автор отказался от формационной парадигмы и не использует терминов «феодализм» и «капитализм», следовало бы уделить самое пристальное внимание точности в обозначении изучаемой эпохи как Нового времени. Во-первых, в определении времени перехода русской культуры от средневековья к Новому времени невозможно ограничиваться единственной ссылкой на проходную статью в малоизвестном сборнике материалов конференции (с. 567). В-вторых, коль скоро автор констатирует факт «распространения западной культуры» в России на протяжении XVIII–XIX вв., возникает вопрос о чрезмерной растяжимости понятия «Новое время» применительно к России. Между тем, в науке дан ответ на эту мнимую дилемму: период XVII–XVIII вв. (или XVII–первой половины XIX в.) является периодом Раннего Нового времени, что объясняет его существенные отличия от последующей эпохи.

Главное же, принципиальное замечание к концепции диссертации состоит в следующем. Автор поставил перед собой амбициозную задачу определить связь иностранной прессы с русской культурой Нового времени.

Проблема перехода к культуре Нового времени анализировалась в классических монографиях Д.С. Лихачева (1973) и А.М. Панченко (1984), идеи которых автор не посчитал необходимым включить в свой концептуальный багаж. Между тем, в этих трудах была детально обоснована концепция секуляризации русской культуры этого времени. В рамках этой концепции были обоснованы представления о глубинных изменениях в аксиоматике и топике культуры, включая языковые нормы.

В Заключении диссертант представил траектории «влияния иностранной прессы на различные стороны культуры русского общества» (с. 558). Подчеркивая, что с курантами знакомилась лишь политическая элита, автор сосредоточил свое внимание на распространении в широких слоях русского общества заимствованных из Европы «переводных текстов малых форм» (с. 561). Отнюдь не отрицая важность этого направления культурных заимствований, обратим внимание на еще одну сферу, оставленную диссидентом без внимания.

Речь идет о влиянии языка курантов на языковые практики образованных слоев общества. Диссидент осуществил исследование лексики «Ведомостей» 1729 г. (с. 535–539), однако подобная работа с текстами курантов проведена не была. Между тем, в оставленных автором без внимания трудах Г.Л. Хабургаева была дана исчерпывающая характеристика норм деловой или приказной письменности XVII в. и их усиливавшегося на протяжении столетия расхождения с книжно-литературными. Хабургаев подчеркивал исчезновение из делового языка множества архаических форм как на уровне лексики, так и синтаксиса. Язык деловой письменности XVII в. ориентировался на систему живой речи, хотя и не совпадал с ней. Хабургаев определял систему деловой письменности как «параллельный письменно-литературный язык, обслуживавший определенные сферы культурной деятельности». Как было показано в исследованиях лингвистов, нормы приказного языка отразились в сочинениях Г. Котошихина и И.С. Посошкова, и, вне всякого сомнения, в текстах курантов. С расширением его

функций, язык деловой письменности постепенно вытеснял книжно-славянский язык, который сохранял избыточную сложность даже в условиях «барочной» литературы периода латинско-польского языкового влияния.

Царь-преобразователь отчетливо понимал необходимость этого процесса и всячески его поощрял, что выразилось в изученном Э.В. Лукичевой казусе с неудачным переводом «Географии генеральной» Б. Варения в 1717 г. Разочарованный переводческой работой выпускника Славяно-греко-латинской академии, Петр повелел Мусину-Пушкину передать указание переводчику: «Посольского приказу употреби слова». Несомненно, что в этой афористичной фразе отразилось важное практическое значение работы переводчиков Посольского приказа в деле распространения новых языковых норм. Представляется, что, отказавшись от попыток сопоставления языковых норм переводчиков иностранной прессы XVII и начала XVIII в., диссертант обеднил содержание проделанной работы. Таким образом, в диссертации, ориентированной на изучение проблемы, находящейся на стыке научных дисциплин, не удалось в полной мере воплотить принципы междисциплинарного подхода.

Отмеченные замечания носят рекомендательный или дискуссионный характер и не снижают значения настоящего исследования и его положительной оценки. Автореферат и публикации соискателя достаточно полно отражают содержание диссертации. Основные положения и результаты диссертационной работы изложены соискателем в двух монографиях и 91 статье, 23 из которых опубликованы в журналах, рекомендованных ВАК. Диссертация Шамина С.М. «Иностранная пресса и русская культура конца XV–начала XVIII столетия» соответствует паспорту специальности 07.00.02 – «Отечественная история», требованиям пп. 9–11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842. Таким образом, соискатель Шамин Степан Михайлович заслуживает

присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности
07.00.02 – Отечественная история.

Официальный оппонент:

Доктор исторических наук,
Директор федерального казенного учреждения «Российский
государственный архив древних актов»

✓
Аракчеев Влади́р Анатольевич

22.03.2021
//

Контактные данные:

Тел.: +7 (905) 780-68-43, e-mail: arakk@rambler.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом
зашита диссертация: 07.00.02 «Отечественная исто́рия»

Адрес места работы:

119435 г. Москва, ул. Большая Пироговская, д. 17.

Тел.: +7-499-246-50-91 e-mail: rgada@mail.ru

<http://www.rgada.info.ru/>

Подпись *Аракчеев*
УДОСТОВЕРЯЮ.
Ответственный за раб
А. В. Аракчеев
Зд. *Аракчеев*

